
Глава 19.

1914 год

Можно с достаточной степенью вероятности допустить, что если бы Англии не удалось сблизиться с союзной нам Францией и через Францию вовлечь в англо-французскую комбинацию Россию, то не было бы, в ближайшем, по крайней мере, историческом этапе, мировой войны, вспыхнувшей летом 1914 г.¹

Отсюда, конечно, не следует, что не надо было создавать «антанту».

Рост вооружений Германии, ее агрессивность и заносчивое высокомерие были таковы, что само собою напрашивалось противопоставление Тройственному союзу не уступающей ему силы. Равновесие сил должно было явиться фактором, предотвращающим войну. Устрашающе мнилась перспектива смертельной схватки двух могущественнейших в мире коалиций.

Плохо, однако, было то, что, создавая «антанту», инициатор ее Англия преследовала цель отнюдь не предотвращения, а напротив, поджога войны при первом подходящем случае. Англии, как будет видно, нужна была война, война Тройственного соглашения с Германиею, т. е. презумптивно с Тройственным союзом, притом в наивозможно близкие сроки.

При такой же предпосылке к созданию «антанты» именно создание ее привело в 1914 г. к войне.

В самом деле, не будь «антанты», не оказался бы народившимся в Европе новый, настолько могущественный блок, чтобы стимулировать решимость его участников не отступать из страха перед Германиею от вовлечения в конфликт, угрожающий войною с Тройственным союзом. При наличии же такого блока принадлежность к нему вооружала, при случае, участников подобною решимостью. Англия оставляла за своею весьма искусною дипломатиею соответствующую обработку настроений своих союзников в критический момент.

Позволительно думать, что не будь создана «антанта», не сделался реальною не мыслившеюся ранее возможностью вооруженного выступления Англии на стороне Франции и России, Франция по данному именно поводу (австро-сербский конфликт лета 1914 г.²), хорошенько пораздумав и взвесив, быть может, и воздержалась бы от военных приготовлений, вызвавших нападение на нее Германии. И, может быть, Россия, оказавшись в таком случае одинокою (маленькая

Сербия в великодержавной схватке в счет не шла), остереглась бы мобилизоваться?.. Несмотря на угрозу захвата Сербии Австро-Венгрией! Несмотря на то, что, воздержавшись от выступления в защиту Сербии, Россия изменила бы этим своей традиционной политике на Балканах! Не было бы, однако, другого выхода (спасовали же мы в 1908 г. по боснийскому вопросу). Слишком было очевидно, что одной России помериться силами с Тройственным союзом представлялось делом слишком уже заведомо безнадежным. Сила солому ломит и против рожна не попрешь. Было бы и оправдание благоразумному воздержанию России. В данном конфликте с Австро-Венгрией Сербия, как это совершенно установлено, была кругом виновата. Не приходилось распинаться за нее. Воздержись тогда Россия от мобилизации, и мировая война в данный момент, по данному поводу была бы избегнута³.

Но «антанта» существовала. И кому-то нужна была война по первому возникшему поводу. Австро-сербский же конфликт представлялся поводом неплохим. Кому нужна была война? Да не кому иному, как именно создателю той обстановки, при которой суждено было безмолвствовать стимулам сдержанности Франции и России, создателю «антанты» — Англии. Угрожающим стало для нее торгово-промышленное соперничество Германии. На экономическом поприще Германия побивала Англию всюду везде, даже у нее дома, вплоть до внутренних английских рынков. Завоеванием мирового рынка и колониальной своею экспансией Германия заняла по отношению к Англии настолько угрожающее положение, что единственным средством для Англии отстоять мировое господство мыслился ей военный разгром Германии.

Нечего говорить о том, что Англия одна никогда не решилась бы напасть на Германию, представлявшую собою первоклассную военную державу, да еще подкрепленную союзом с Австро-Венгрией и Италией. Надо было противопоставить Тройственному союзу большие реальные силы, использование которых дало бы возможность разгромить Германию при минимальных усилиях и наименьшем количестве жертв со стороны Англии. Отсюда сближение с Францией. Но одной Франции мало. Сближение с Россией. Комбинация Тройственного соглашения. Наше вступление в него. Франция, мечтавшая о реванше за войну 1870–71 гг.⁴, лишенная уверенности в завтрашнем дне из-за постоянной агрессивности и вызывающего образа действий по отношению к ней со стороны Германии, пошла на сближение с Англией, рассчитывая найти в ней могущественного союзника против общего врага. Франция только благоразумно усиливала этим те свои гарантии безопасности и защиты от нападения, которые ей давал франко-русский союз. Россию толкал в объятия ее прежнего извечного врага, непосредственно перед тем поднявшего и вооружившего против нее Японию, окончательный после Биорке разрыв с Германиею^а, когда угрожающее значение приобрели для нас наши противоречия с западными нашими соседями, Германиею и Австро-Венгрией. Мы не оставляли традиционной тяги нашей на Ближний Восток; мерещились нам Константинополь и проливы, в то время как через Балканы к Турции тянулась и Германия, развивая широко задуманную экспансию в Малой Азии. Австро-Венгрия после беспрепятственно и безнаказанно удавшейся ей аннексии Боснии и Герцеговины мечтала о дальнейшем продви-

^а Здесь и далее подчеркнуто автором.

жении на Балканах путем захвата Сербии и Черногории, между тем как нашею задачею нами ставилось всяческое охранение самостоятельности этих стран, рассматривавшихся нами в качестве проводников и оплота русского влияния среди балканских народов и потому объектов попечительных забот «державы-покровительницы младших славянских братьев». В отношении тяги нашей на Ближний Восток неустойчивое внутреннее положение России, предостерегающий голос опыта русско-японской войны при недостаточном все-таки восстановлении нашей боевой готовности, правда, повелевали России, основательно научившейся долго ждать Константинополя и проливов, еще отсрочить попытки осуществления ее цареградской мечты. Тем более, что в тот момент, когда завязывалась наша дружба с Англиею, мечта эта не воспрянула еще перед нами с новою силою под грохот балканской войны. Но приходилось считаться со ставшею в последние годы чересчур активной политикою Австро-Венгрии на Балканах. Чтобы застраховать себя от всяких случайностей в этом собственно отношении, да и других возможных неожиданностей впоследствии (так!) разрыва с Германиею после Биорке, Россия и рассудила не упускать случая усилить, подобно Франции, свои гарантии безопасности и защиты от нападения той же Германии приобретением второго после Франции солидного союзника. Поэтому и приняла предложение вступить третьим членом в англо-французскую «антанту».

Так создалось противопоставленное Тройственному союзу Тройственное согласие. Так создались условия, делавшие при данной политической конъюнктуре возможною и близкою мировую войну.

России, как видно, принадлежала в создании этих условий лишь пассивная роль. Ей было сделано предложение присоединиться к так счастливо наладившемуся «сердечному согласию» ее друга Франции с новым другом этой последней Англиею. Россия это предложение приняла, вынужденная обстоятельствами его принять. Обстоятельства сложились так, что от Биоркских вод русскому государственному кораблю не стало пути иного, как через дружественные французские воды к английским берегам.

Войдя в «Антанту», опираясь на нее, Россия неосновательно пошла на риск вступления в неожиданно перед нею вставший австро-сербский конфликт. Обстоятельство это послужило началом мировой войны, вспыхнувшей летом 1914 г.

В том, что Россия встряла в тот конфликт, бесспорная вина русского императорского правительства того времени. Вина достаточная, но в рамках данного вопроса — об ответственности за войну — вина единственная.

Между тем, вслед за окончанием войны появилась литература, пытающаяся взвалить на это злополучное правительство еще и другой, отнюдь не содеянный им грех. Высказывается мнение, будто в 1914 г. Россия не только разожгла подававшийся локализации австро-сербский конфликт в пожар мировой войны, но и создала повод для самого австро-сербского конфликта. Мнение это определенно приписывает подстрекательству России организованное сербами убийство австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда.

В чем, в чем, но в этом приписываемом ей преступлении Россия нет, не повинна.

Надо было бы русскому правительству крепко желать в ту пору войны, чтобы пойти на такое подстрекательство.

В самом деле, сербы настолько солидно себя зарекомендовали специалистами по части политических убийств систематической заговорщической работою как у себя дома, так и на австрийской территории по организации ряда покушений на должностных лиц австрийской администрации, что подстрекательство к убийству Франца-Фердинанда именно сербов ни в каком случае не могло рассчитывать на то, чтобы от зоркого и испытанного ока австрийских властей ускользнула, скрываясь за спиною убийц — австрийских подданных, сербская наводящая рука. Отсюда конфликт с Сербиею, а дальше все как по писаному, как оно и разыгралось. Война!

Но ведь Россию ничто решительно в весну и лето 1914 года не побуждало желать войны. Не следует забывать, что не прошло и года с того времени, как нам удалось в 1913 году избежать войны с Австро-Венгриєю, следовательно, с Тройственным союзом, благодаря усилиям не желавшего создавать себе лишней ответственности и лишней работы Сазонова. Отрицательно отнеслись к эвентуальности войны заявившие себя еще не подготовленными к ней наши военное и морское ведомства. Не желал, наконец, войны, по свидетельству Коковцова, Распутин.

Не изменилась обстановка и в предшествующие войне несколько месяцев 1914 г. Сазонов не стал менее равнодушен к своему покою. Если весной Сухомлинов пустил в газеты в ответ на вызывающую кампанию германской прессы свою на шумевшую в свое время статью «Мы готовы», то, как он сам указывал в своих воспоминаниях, эта статья была пущена в том преимущественно сообщении, что «вовремя показанный кулак может предотвратить драку»⁵. Она не явилась, таким образом, свидетельством того, что мы были действительно подготовлены к войне. Несколько лучше подготовлены, чем год тому назад, и только. В другом месте своих воспоминаний Сухомлинов, правда, утверждает, в возвеличение своих заслуг по восстановлению армии, будто в 1914 г. мы были подготовлены к войне как никогда. Во-первых, немного этим сказано. К Крымской войне мы не были подготовлены. К японской — тоже. Турецкую довели до победы, однако над относительно слабым противником⁶. Во-вторых, можно ли серьезно говорить, что от неподготовленности в 1913 г. можно было перейти к подготовленности (как никогда) в 1914 г., всего за один год, для такой колоссальной страны, как Россия того времени. И это при относительно ничтожных затратах на вооружения вследствие настойчивой и систематической урезки военных кредитов не сознававшим, что он делает и к чему ведет, таким узким и скаредным государственным казначеем, как Коковцов, лишь номинально числившимся русским министром финансов. Нет, подготовленности такой, какая требовалась для войны с Германиею, хотя бы и вынужденной разделить свои силы на два фронта, с Германией, подкрепленной численно весьма значительными силами Австро-Венгрии, а презумптивно — и серьезными силами Италии, мы отнюдь готовы не были. И нет оснований полагать, что изменил в ту пору свое мнение о нежелательности войны подчинивший своей воле царя старец Распутин.

Можно, таким образом, с достаточною уверенностью утверждать, что вплоть до кризиса, вызванного убийством эрцгерцога Франца-Фердинанда, русское правительство, русское дипломатическое ведомство, глава его С. Д. Сазонов не думали о войне, всего менее помышляли ее вызвать и создать для нее повод. И тем не менее, такой грех *современные историки* пытаются взвалить на бывшее русское

императорское правительство. Данных, сколько-нибудь заслуживающих доверия, которые подтверждали бы подобное обвинение, однако, не существует⁷.

В книге Н. П. Полетика «Сараевское убийство» (изд. 1930 г.) приведен обильный материал, относящийся к этому событию⁸.

Материалом этим *убедительно* доказывается, что убийство эрцгерцога в Сараеве австрийскими подданными-славянами было организовано в Белграде членами сербского политического общества «Черная рука», являвшимися в то же время должностными лицами сербской службы, использовавшими для организации убийства свое служебное положение и аппарат службы. Главным организатором убийства был впоследствии расстрелянный по приговору сербского суда по другому делу полковник сербского Генерального штаба Драгутин Димитриевич.

Теперь по части инкриминируемого России имевшего будто бы место ее подстрекательства сербов к убийству! Вот какой мы находим в книге Н. П. Полетика материал по этой части. И думается, что он исчерпывающий, ибо автор, как это видно из его обстоятельной книги, использовал для своего труда едва ли не всю наличную литературу по делу о сараевском убийстве.

Некий серб Ненадович в статье, напечатанной в «*Fédération Balcanique*», заявляет, будто о готовившемся сараевском убийстве знали Гартвиг и военный агент при нашей миссии в Белграде полковник Артамонов. Это же подтвердил венскому журналисту Леопольду Мандлю «пожелавший остаться неизвестным» один из членов общества «Черная рука». Этот же остающийся неизвестным серб будто добавил, что организатор убийства эрцгерцога сербский полковник Димитриевич, сообщив Артамонову о подготовке покушения, пожелал от него выведать, как отнесется к убийству Россия. Можно ли иметь уверенность в том, что она не отступит от поддержки Сербии в случае надобности, как это сделала Россия в 1908 г. и в 1912 г. Артамонов, будто бы, посоветовавшись с Гартвигом, просил Димитриевича для сообщения ответа на заданный вопрос дать ему время снестись с Петербургом. Артамонов будто бы получил оттуда вслед за тем телеграмму: «Действуйте. Если на вас нападут, вы не останетесь одиноки». Получил, будто бы, Артамонов и значительную сумму денег на расходы по подготовке покушения. Отправился в сербскую контрразведку и будто сообщил Димитриевичу, что Россия поддержит Сербию, что бы ни случилось. Еще некий серб Божин Симич поведал французскому журналисту Виктору Сержу, будто сербский Генеральный штаб получил, через Артамонова же, секретное сообщение от русского Генерального штаба о том, что во время свидания Франца-Фердинанда с императором Вильгельмом в Конопиште австрийский эрцгерцог развивал план нападения Австро-Венгрии на Сербию и завладения ею, причем Вильгельм одобрил этот план, пообещав Австро-Венгрии для его осуществления свою помощь и поддержку. Артамонов будто предупредил сербов также о том, что Франц-Фердинанд едет в Боснию для присутствования на маневрах. Симич подтвердил и историю с телеграммой — «Действуйте» и т. д. Что «двое русских» (Гартвиг и Артамонов) знали о готовившемся покушении на эрцгерцога, повторяют с туманною ссылкой на опять-таки не называемых членов общества «Черная рука» другие исследователи причин возникновения мировой войны — американский профессор Барнс и автор книги «*The Sarajevo Crime*» мисс Е. Дергем. «Есть сведения» (какие?), что о готовившемся заговоре знали русский Генеральный

штаб, Извольский и «даже» Сазонов. Сазонову, ссылаясь, правда, не на документы, а на слухи, «исходившие из дипломатических кругов», приписывается такой вопрос, заданный румынскому премьер-министру Братиану (дело происходило в Констанце, куда приехал царь в сопровождении Сазонова на свидание с румынским королем Карлом — за 13 дней до убийства Франца-Фердинанда): «Какую позицию займет Румыния в случае вооруженного столкновения между Россией и Австро-Венгрией, такого, при котором начать военные действия была бы вынуждена Россия?» Братиану будто отвечал на вопрос вопросом: «Неужели Сазонов ожидает в ближайшее время возникновение войны?» И на это Сазонов будто бы поставил еще вопрос: «А что произойдет, если будет убит австрийский эрцгерцог?»⁹

Надо не считаться с упреками в тенденциозности, чтобы на основании подобного материала утверждать, будто сараевское убийство было учинено по подстрекательству России.

Вопрос об ответственности за войну представляется, помимо его исторической важности, вопросом такого громадного, непосредственно материального значения для держав, на которые были наложены репарационные выплаты, что если бы только была малейшая возможность использовать приведенный материал, для возложения ответственности на Россию, он был бы, конечно, давно использован в полной мере.

Но этого нет. Невозможно, в самом деле, серьезно отнестись к такому материалу! «Кто-то», ни в малейшей степени не авторитетное лицо (Ненадович?), совершенно бездоказательно заявляет то-то. Какие-то «пожелавшие остаться неизвестными» лица поведали одному американскому профессору и одной английской даме, а также двум журналистам, одному австрийскому и другому французскому, то-то и то-то. Дальше просто говорится: «есть сведения». Наконец, приводится «слух (о беседе Сазонова с Братиану), будто бы циркулировавший в *русских* дипломатических кругах», кем переданный, от кого исходивший — об этом благообразно умалчивается.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что за исключением фавбулы о переговорах Дмитриевича с Артамоновым, закончившихся будто бы получением Белградом из Петербурга благословения на убийство Франца-Фердинанда, весь остальной материал ни в малейшей степени о подстрекательстве не говорит. Можно ли в самом деле без натяжки приписывать целям подстрекательства такие сообщения благожелательного, чисто информационного свойства, как — если они и были — предупреждения русским Генеральным штабом сербского Генерального штаба о результатах конопиштского свидания и о намечавшейся поездке Франца-Фердинанда на маневры в Боснию? Если были бы какие-либо тревожные для Сербии симптомы в действиях Австрии, то отношения наши к Сербии, в связи с нашею общею политикою на Балканах, обязывали нас предупредить сербов об этих симптомах. И в предупреждениях такого свойства ни малейших элементов подстрекательства, разумеется, не содержалось. Фавбула же переговоров Дмитриевича с Артамоновым и благословения России на убийство эрцгерцога представляет собою заведомый сплошной вздор. Выше приведены достаточно убедительные доказательства тому, что Россия отнюдь не хотела и не могла желать в 1914 г. войны. А при подстрекательстве к убийству Франца-Фердинанда именно сербов едва ли имелся хоть один

шанс против девяноста девяти избежать вызвавшего мировую войну нападения Австро-Венгрии на Сербию.

Нет, Россия не готовила в 1914 г. войну. Она ее и не ожидала. Возможною при первом конфликте каких-либо двух держав Тройственного союза, с одной стороны, и Тройственного согласия с другой, сделало войну создание Англиею «антанты» в совершенно определенных целях разгрома Германии ввиду англо-германских противоречий.

Ничто, однако, в международной обстановке первой половины 1914 г. не предвещало непосредственной близости войны.

На Балканах, правда, было беспокойно. Но не беспокойнее, чем бывало ранее. Балканы всегда представляли собою костер, способный разжечь пожар. Ситуация была обычная. Внимание европейской дипломатии было, по обычаю же, настроено. Но не было данных ожидать непредотвратимых общими усилиями конфликтов в ближайшее время. Болгары бесчинствовали над греческим населением в присоединенной к Болгарии части Фракии, вели противосербскую агитацию в Албании, заключили военный союз с Турциею, направленный против Греции, вступили на путь сближения с Австро-Венгриею и вооружались ею. Сербы бесчинствовали над болгарским населением в присоединенной части Македонии, заключили союз с Грециею для поддержания status quo^a на Балканах.

Примкнула к политике их в этом отношении Румыния, не вступая, однако, в союз. Сербия и Румыния развивали каждая ирриденду по отношению к Австро-Венгрии, агитируя австрийских сербов и трансильванских румын. Австро-Венгрия не оставляла своих замыслов относительно Сербии, ища выхода через нее в Салоники, провоцировала беспорядки в Албании в видах ее оккупации, вооружалась, усиливала гарнизоны в Галиции и на сербской границе, вооружала, как упомянуто, болгар. Турция, заключив союз с Болгариею, готовилась к реваншу за потери в 1912 г. на Балканах, наметив себе объектом главным образом Грецию, пыталась организовать восстание в Македонии, вооружалась, усиливала свой военный флот.

Германские и австрийские газеты вели усиленную кампанию против России за ее относительно скромные, всячески умерявшиеся Коковцовым вооружения. Наша печать старалась не оставаться в долгу. Но немцы забирали тон все выше. Наш поверенный в делах в Вене князь Кудашев доносил, что Берхтольд, указывая на крайние трудности обуздать прессу, заверял об отсутствии поводов для каких-либо конфликтов между Россиею и Австро-Венгриею: «Уже если в 1912 и 1913 гг. удалось избежать осложнений, то тем менее имеется оснований ожидать их в настоящее время». Случайность или нет, но вскоре после статьи Сухомлинова в «Биржевых ведомостях» «Мы готовы», которую австрийский посол Сапари назвал фанфаронадою, травля России в германской и австрийской прессе спала. Из Берлина наш посол Свербеев доносил, что тучи пронеслись и горизонт снова стал чист и безоблачен. Свербеев писал об улучшении отношений Германии и с Англиею. Только генеральный консул наш в Будапеште Приклонский передавал ничем, однако, не подтверждавшийся им слух, будто Германия готовит катастрофу, от которой содрогнется весь мир.

^a Существующее положение (лат.)

Свербеев? Этот последний императорский посол в Берлине отличался исключительно бездарностью. Он только умел прилично одеваться, прилично держать себя и произносить кое-какие русские и иностранные слова в ответ на задаваемые вопросы. Он ничего не знал, не соображал, ни о чем не думал и ничего не делал. Дипломатическое ведомство имело в своей среде немало посредственностей. Но далеко в карьере они не шли. И Сергея Николаевича не следовало пускать далее секретаря посольства, притом преимущественно поручая ему лишь механическую работу. Министр иностранных дел Сазонов, только потому, что был одноклассником Свербеева в лицее¹⁰, выдвинул его на пост посла в Берлине. И не в обычное нормальное время, а почти накануне начала мировой войны. Не было вообще пределов легкомыслию Сазонова. И только этому печальному свойству своего школьного товарища обязан Свербеев своим возвышением не по достоинству. Обязан ли, однако? Оставайся Свербеев в тени, не было бы о нем и речи. Не приходилось бы о Свербееве упоминать как о лице, выдающемся своею бездарностью. И не лежало бы на ответственности Свербеева абсолютное бездействие важнейшего русского дипломатического поста в наиболее трагический момент истории России. Ничего-то он не видел. Ни о чем существенном не доносил. Настолько ничего не понимал, что даже отправлял в Петербург оптимистические депеши. В дни, предшествовавшие объявлению войны, умудрился отсутствовать из Берлина. Никаких ценных отношений не завязал, да и завязать был не в состоянии. Бледный, длинный, скелетически худой, с лицом, ничего не выражающим; так он и сейчас стоит перед глазами живым олицетворением жалкой посредственности. Отнюдь не выдающимся был его предшественник граф Остен-Сакен. Но он озадачивал, при случае заявляя: «Je viens de déjeuner avec mon ami Guillaume»^a. Пусть в этих словах, преувеличивавших близость посла к Вильгельму II, заключался смешной снобизм. Но факт оставался фактом: запросто завтракал русский посол с германским императором. И это свидетельствовало об отношениях, исключительно ценных для дипломатического представительства. А Свербеев? Он не сумел бы завязать близких отношений ни с одним даже самым захудалым немецким министром.

Возвращаясь к внешней политической ситуации первой половины 1914 г., заметим, что с Германию у нас, правда, возникли в ту пору кое-какие трения, но не грозившие развиваться в конфликт. Нас озабочивала германская военная миссия в Турции, забравшая в свои руки командование турецкими военными силами¹¹. Мы протестовали против германского командования отдельными воинскими частями в европейской части Турции. Германия, давая нам понять, что это дело внутреннее между нею и Турцией, все же уступила. Командование вернулось к турецким офицерам. Но военное верховное управление осталось германское, против чего мы и не пытались возражать. Насколько устраивало нас при таких условиях то, чего мы добивались и добились, представляется в достаточной степени непонятным. Согласившись вместе с другими державами (трудно было не согласиться) на надбавку к взимавшимся Турцией ввозным пошлинам, мы требовали нашего представительства в *Dette Ottomane*^b. По этому относительно второстепенному вопросу также возникли у нас трения с Германиею, а равно

^a «Я только что завтракал с моим другом Вильгельмом» (фр.).

^b Оттоманский долг (фр.).

с Турциею. Германия соглашалась на наше представительство, но при условии обеспечивавшего ей перевес усиления своего представительства, *ибо наш «друг» Франция и в этом вопросе нас не поддержала*. Нас это не устраивало. Кое-какие трения возникли у нас с Германиею и в Персии вследствие вызывающего образа действий германской концессии по отношению к нашему дипломатическому и консульскому представительству¹². Но все эти трения не имели значения сушества и тревоги не внушали.

Всего хуже дело обстояло, пожалуй, с Турциею. Помимо ее замыслов о реванше на Балканах, попыток поднять восстание в Македонии, турецких военных реформ под инструктажем Германии и предпринятого усиления турецкого военного флота, беспокойство вызывало создавшееся напряженное положение в армянских вилайетах Турции. Это последнее обстоятельство, в связи с неустойчивым общим внутренним положением в стране, побуждало наше посольство в Константинополе признать возможность наступления в Турции таких событий, которые могли бы потребовать вмешательства иностранных держав. Но события не наступали. Острота положения постепенно сглаживалась. Поэтому и на турецкой стороне грозовые тучи не собирались¹³.

Англия, при всей трогательности нашего сердечного согласия с нею и с Франциею, не заключала с Россией писаного договора о союзе. Не заключила его Англия и с Франциею, не желая стеснять свою свободу действий какими-либо обязательствами до наступления событий, вынуждающих к союзным отношениям. Сазонов из кожи лез, добиваясь оформления союза договором и утомляя направленными к этой цели требованиями нашего посла в Лондоне графа Бенкендорфа. Но Бенкендорфу не удавалось склонить Грея удовлетворить Сазонова. Бенкендорф утешал Сазонова, убеждая его в том, что «антанта», во что она вылилась, все-таки лучше противоположенного ей Тройственного союза, в котором один союзник командует двумя другими. Англия повела с нами разговор на другую тему — о протекторате ее над Тибетом. Мы пытались выговорить себе протекторат над персидским Азербайджаном и установление сношений хотя бы по одним только пограничным делам с Афганистаном. Но Англия артачилась. Не милостивы были к нам наши друзья¹⁴.

Во всей очерченной ситуации не было ни одного действительно способного внушить тревогу показателя близкой катастрофы. И что летом она разразится, этого у нас в России никто не ожидал, не то что маленькие люди, но и власть имущие, и само правительство.

В качестве аргумента противоположного мнения выдвигается... масонство¹⁵. Когда в области большой политики пытаются утверждать то, чего как будто бы не было, что расходится с логикою, из анализа событий не вытекает и приводит к тупику, в таких случаях принято ссылаться на масонов. *Это аргумент, перед которым умолкают всякие возражения*. Доводилось слышать, что масонами были ряд крупных французских государственных деятелей, в том числе *благополучно и ныне здравствующий* Раймонд Пуанкаре, из русских — генерал Куропаткин (потому-де, что он был масоном, он и проиграл японскую кампанию, преднамеренно и сознательно, по приказу ордена), граф Витте (как же не масон, когда он устроил русскую революцию 1905 года?) и т. д., и т. д. Если теперь будут уверять, что масоном был также Сергей Дмитриевич Сазонов, а масоны руководили данными событиями, то придется что угодно допустить, какую угодно

фантастику: будто Сазонов с самого дня своего назначения русским министром иностранных дел знал, что мировая война начнется в 1914 г., сознательно подготавливая к этому году войну, знал о предстоявшем убийстве Франца-Фердинанда (приговоренного к смерти масонами), ибо он сам (Сазонов) по приказу масонов подстрекал сербов к этому убийству, и именно сербов, для того, чтобы спровоцировать Австро-Венгрию к нападению на Сербию и нападение это использовать в качестве повода для мировой войны. ...Если Сазонов был масон, то все это так распрекрасно одно из другого и вытекает. Но трудно допустить, чтобы Сазонов был масоном. Масоны, судя по тому, что им приписывается, представляются орденом отменно серьезным. Пуанкаре, Витте, Куропаткин были бы подходящими для него людьми. Но Сазонов? Из-за одного его легкомыслия он был неприемлемый для масонов человек. Мог быть ими использован без его ведома (опять-таки, если масоны действительно руководили событиями) разве только в качестве марионетки. Но марионетка не знает наперед, за какую ее дернут веревочку и какой заставят танцевать танец.

Уже если искать среди последних руководителей нашей дипломатии злокозненного масона, то правильнее, пожалуй, было бы заподозрить его в гр<афе> Ламздорфе? Ведь это он сломал «Биорке»! А именно от этого действия и произошли все качества... Но и Ламздорф более чем сомнительный масон.

Масоны? Или другой кто?... Могущественные таинственные воздействия на поджог мировой войны подозреваются многими современниками и исследователями событий. Навязчива для них мысль о наличии этих воздействий, которые, если бы были установлены, уясняли бы сами уже по себе, одним своим бытием, все кажущееся на первый взгляд не вполне понятным и ясным в пережитой колоссальной мировой трагедии. Однако достаточно яркий свет на ее причины проливают уже внимательный анализ событий и обследование предшествовавшей войне международной обстановки, имевшей в центре англо-германское соперничество. Масоны если и подготавливали и разожгли войну, то только используя эту, не ими созданную конъюнктуру, остающуюся за всем тем, при всяких комбинациях, первопричиною войны. Поэтому, поскольку те подозреваемые воздействия нам не вскрылись, не приходится, да и нет такой уже настоятельной надобности задерживаться на них в тщете ни на что фактическое не опирающихся догадок.

* * * * *

В начале года был уволен Коковцов с обоих занимавшихся им постов: и министра финансов, и председателя Совета министров¹⁶. При исполнении им своих служебных обязанностей я его видел в последний раз в 1913 г. в Государственной думе на необычайно многолюдном ее собрании, привлечшем и много публики, и дипломатический корпус. Коковцов в упоении властью, высокомерный, надменно улыбающийся, раскинулся на ближайшем к думской трибуне первом кресле министерской ложи лицом к залу и к ложам, отведенным публике. Ожидались вступительные прения по бюджету — обычный доклад специализировавшегося на критике бюджета члена Государственной думы из кадет Шингарева и ответ министра финансов. Но пришлось изменить повестку дня, о чем и заявил

председатель Думы Родзянко, добавивший, что прения по бюджету приходится перенести на следующее заседание Думы. Коковцов, вероятно, считая, что по его высокому положению ему все дозволено, на это заявление сгаерничал. Желая порисоваться перед собравшейся публикою, в числе которой были его знакомые и много дам, он, отчетливости ради, медленно и широко перекрестился. Вчуже за него сделалось неловко, как бывает неловко зрителю за перешарживавшего плохого актера.

Коковцов при увольнении с отчислением в Государственный совет получил в благодарность за службу титул графа. Он добивался назначения послом в Париж (о чем мечтал в свое время и граф Витте). Но Сазонов сумел настоять на оставлении на этом посту Извольского. Официально причиной увольнения Коковцова была его казначейская узость. Царя убедили в том, что цели общей политики и внешней политики Коковцов приносил в жертву интересам фиска. И гипертрофическое развитие придал представлявшейся весьма будто бы непопулярным источником государственных доходов казенной винной монополии. Петру Львовичу Барку, составлявшему, как настойчиво о том говорили, подкопные записки против Коковцова и посаженному в результате этих записок на место Коковцова по должности министра финансов, прямо ставилась задача изыскать такие источники, которые могли бы заменить собою монополию в государственном бюджете. Таковы были официальные поводы к освобождению Коковцова от лежавшего на нем бремени власти. Но были и другие поводы, едва ли не более решающего значения. Повредил Коковцову, едва ли преднамеренно, император Вильгельм. Возвращаясь из Парижа после совершения очередной кредитной операции, Коковцов проездом через Берлин был принят Вильгельмом и приглашен на обед. За обедом словоохотливый император не преминул произнести речь, в которой перечислял достоинства Коковцова. Закончил же он эту речь заверением, что пока «Россию правит» такой государственный деятель, как Коковцов, об устойчивости добрососедских русско-германских отношений беспокоиться не приходится¹⁷. И, конечно, это неловкое слово «Россию правит Коковцов» стало известно царю. А царь не выносил, когда говорили, что Россию правит кто-то другой, а не он. Наслышался он этого за время пребывания у власти С. Ю. Витте, а потом П. А. Столыпина. И, как известно, крепко невзлюбил обоих. Быть затемняемым Коковцовым — совершенно незначительным и бледным по сравнению с Витте и Столыпиным — было еще обиднее. Отсюда досада на Коковцова. Если добавить к тому, что и этот малокалиберный по его личным свойствам министр осмелился докладывать царю о недопустимости оставления Распутина в его близости к царской семье, то станет понятным, что Коковцова стало царю достаточно. Пришло время его убрать. Подвернулся интриговавший против Коковцова Барк, бывший в ту пору товарищем министра торговли. Можно попробовать Барка. А председателем Совета министров можно вернуть, после выполненной Столыпиным миссии успокоения и при таком надежном министре внутренних дел, как Маклаков, верного старого Горемыкина, что и было сделано, нельзя сказать, чтобы очень умно. Убранную в сундук старую шубу снова встряхнули и опять надели, того не замечая, что от ветхости она уже расплзлась по швам.

Барка я еще помню по университету студентом. Он был курса на два, на три старше меня. Репетиторствовал у кого-то из власть имущих. Приобрел протек-

цию. По окончании университета был по протекции определен в Государственный банк и ускоренно в нем продвигаем. Потом, созрев, попал на баснословно высокий оклад в правление Волжско-Камского банка. Там он совершил какие-то художества, говорили, не совсем похвального свойства. Из банка был назначен товарищем министра торговли.

С увольнением Коковцова от должности министра финансов товарищи его Н. Н. Покровский и С. Ф. Вебер были назначены в Государственный совет. Но им было предложено ввести Барка в курс управления финансовым ведомством, а до того повременить фактическим уходом из Министерства финансов.

* * * * *

С конца 1913 года возобновились наши совещания в Министерстве иностранных дел по реформе заграничных установлений ведомства. Я получил весь потребный материал и с половины января 1914 года засел за писание законопроекта. Выговорил себе право писать дома и, чтобы ничем не отвлекаться от работы, не ходить в министерство. Писал законопроект месяца три, посылая, по мере составления текста, отдельные части записки прямо в карандаше в типографию для набора. Правил корректуру на ходу составления записки. В результате вскоре же после окончания работы я смог представить Арцимовичу достаточно-таки объемистую записку, печатных страниц in quarto на 250.

Арцимович передал ее Сазонову. А Сазонов, отправившись в Государственную думу, захватил записку с собой. Случилось, что в Думе вновь спросили Сазонова, когда же наконец он внесет в Думу проект реформы. Сазонов извлек мою записку из портфеля и торжественно показал ее думским лидерам. Увидя записку уже напечатанною, перелистав ее и оставшись довольными ее объемом, говорившим о полноте реформы, думцы, по словам Сазонова, устроили ему овацию.

Сазонов представил меня к считавшейся по тем временам видною награде. Хотя я никогда о том не просил, провел в камергеры. В нашем ведомстве более, чем в других, уделялось внимания представительству. Поэтому большая часть старших чинов состояла в придворных званиях¹⁸. Когда я, как водилось, пришел благодарить Сазонова, он мне шутливо заметил, что благодарить не за что: полученная награда разорительна большим расходом на обмундирование. Переходя на серьезный тон, заявил, что ведомство сознает себя во многом мне обязанным и не полагает на этом остановиться, имея для меня в виду служебные повышения. Действительно, вслед же за тем мне было присвоено звание вице-директора. Года через полтора, с перемещением М. И. Муромцева на должность неперменного члена Совета министерства, я был назначен штатным вице-директором. Не прошло и года, как я получил (при министре Покровском) назначение директора того самого департамента, в котором служил. Сменил я на этом посту назначенного в 1914 г. директором (после В. А. Арцимовича) бывшего нашего министра-резидента в Дармштадте Василия Яковлевича Фан дер Флита. Арцимович же был перед тем перемещен на вновь учрежденную должность второго товарища министра иностранных дел (заменившую должность старшего советника министерства).

Весною 1914 г. был одобрен Государственной думою, а после Государственным советом и утвержден в июне месяце царем внесенный в Думу еще Извольским написанный мною проект реформы центральных учреждений министерства¹⁹. Первый, бывший Азиатский, департамент был упразднен и заменен тремя политическими отделами: Ближнего и Дальнего Востока и Средней Азии. Второй департамент, бывший внутренних сношений, остался без существенных перемен, а наш департамент, так как не мог существовать Второй департамент без Первого, был переименован в Первый департамент. Принято было во внимание и несоответствие прежнего его названия Департамента личного состава и хозяйственных дел значительно расширившемуся кругу его дел, со средоточением в нем законодательной работы по вопросам, возникавшим во всех частях министерства. На канцелярию министерства, с придачею к ее названию наименования Первого политического отдела, возлагалась личная переписка министра в качестве главы дипломатического ведомства, а также производство политических дел по вопросам, касавшимся Европы, Америки и колоний европейских государств. Были учреждены в качестве самостоятельных частей центрального ведомства Юрисконсультская часть и Отдел печати. Уточнены предметы ведения каждой части министерства. Всем должностям пересмотрены и увеличены оклады содержания. Должность старшего советника министерства упразднена и взамен учреждена вторая должность товарища министра.

Я до сих пор помню тот сияющий весенний день, когда наши штаты проходили в общем собрании Государственной думы. В перерыв, после поднявшего настроение веселого завтрака с Арцимовичем и несколькими знакомыми членами Думы в недурном ее ресторане, мы всею компаниею вышли в примыкающий к Таврическому дворцу Таврический сад. Никогда, казалось, так не сияло солнце над обычно окутанным облачной пеленой, сумрачным при всей его царственной красе Петербургом. Лившие золото снопы сверкающих лучей, глубокая ясная синева неба, теплый ласкающий бриз гнали потоками такую яркую радость жизни, что отступали перед нею всякие заботы и тревога. Крепла вера в возможность счастья и в победную борьбу за него. Как были мы далеки от мысли о притаившейся в таинственных безднах черной туче трагически к нам близкой мировой войны.

* * * * *

В середине июня газеты принесли известие об убийстве в столице Боснии Сараеве наследного австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда и его супруги герцогини Гогенберг²⁰. Так как убийцами были австрийские подданные, то убийство было сочтено внутренним австрийским делом. Никому в голову не могло прийти, что из-за этого убийства может возникнуть международный конфликт. Убийство всякое вызывает в нормальных людях инстинктивный протест и жалость к жертве. Общественность наша посочувствовала памяти Франца-Фердинанда, но относительно сдержанно. Много накопилось взаимного раздражения между нами и австрийцами. И убитый эрцгерцог был у нас весьма непопулярен. Не в меру милитантный, говорили, на почве душевной ненормальности, выражавшейся в припадках бешеного гнева, Франц-Фердинанд был крайним

выразителем воинственных течений в Австро-Венгрии и в этом отношении представлял опасность для дела мира. Поэтому не задержалось на его трагической кончине сочувственное внимание общественности.

Нам нанес дружественный визит английский военный флот. Посетил нас и Пуанкаре²¹. «Антанта» манифестировала крепость своего единения. Но дружественной встречи с нами искал и император Вильгельм, совершавший на своей яхте прогулку в балтийских водах. Встреча не состоялась из-за признания несовместимости ее с пребыванием у нас английских моряков и президента Французской республики²². Не встретились мы с германским императором, зато приехал к нам в начале июля саксонский король. Он, по обычаю коронованных гостей, привез с собою ордена для раздачи русским. Так, в частности, мне лично довелось за какие-нибудь две недели до нашей войны с Германиею приобщить к моей коллекции иностранных орденов шейный крест и звезду саксонского ордена Альберта Великодушного²³. Мелочь. Но и эти розданные нам саксонские ордена за две недели до войны как будто говорили, что о ее возможности в ту пору не думали не только мы, но и немцы.

Я отправился в обычный месячный отпуск к семье на дачу в Териоки.

Прошел почти месяц с происшедшего 15 июня убийства Франца-Фердинанда. За этот месяц мы успели об этом убийстве почти позабыть. Но не забыли его австрийцы, посвятившие этот месяц предварительному следствию по делу о сараевском убийстве. Следствие велось в тайне настолько строгой, что никаких известий о его ходе не проникало в печать. Поэтому совершенно неожиданным явилось сообщение газет о предъявленном 10 июля Сербии в результате этого следствия ошеломившем весь мир австрийском ультиматуме. Поистине гром грянул с ясного неба. Ультиматум категорически обвинял Сербию в том, что сараевское убийство готовилось в Белграде, что убийцы получили оружие и бомбы от сербских офицеров и чиновников и были проведены в Боснию через сербскую границу сербскими пограничными властями. Сербии предъявлялись ультиматумом требования удовлетворения, неприемлемые для независимого государства²⁴.

Было совершенно ясно, что австрийский ультиматум обозначает мировую войну. Австрийцы, заполучив повод для давно задуманного захвата Сербии, предъявили ей такие требования, на которые она не могла пойти. Отсюда неминуемость нападения Австро-Венгрии на Сербию. Россия давно разучилась подчинять свою большую европейскую политику целям собственной пользы. Не раз доказала неспособность переменить, сообразуясь с переменою обстановки, раз принятый политический курс. Всего менее можно было ожидать от нее разумной в этом отношении инициативы в требовавший быстрых решений наступивший критический момент. Особенно при таком нерассудительном и неспособном министре иностранных дел, каким был С. Д. Сазонов. Поэтому невозможно было рассчитывать, чтобы Россия сошла по случаю австро-сербского конфликта со своей традиционной позиции державы-покровительницы славян, особенно сербов, ставших волею Гартвига и Сазонова от всех славян наиболее отличавшимися Россией ее фаворитами. Невозможно было, следовательно, ожидать, чтобы Россия удержалась от вступления в австро-сербский конфликт в защиту Сербии. Правда, России приходилось считаться с тем, что если она нападет на Австрию, то в защиту последней станет Германия, а при вовлечении в конфликт других

беллигерантов (союзники России), вероятно, и Италия. Но угроза эта, по условиям момента, была бессильна удержать Россию. Россия имела уверенность, что в таком случае выступят против Германии (и ее союзников) Англия и Франция. В самом деле, для них, помимо всяких договорных отношений, вступление Германии в войну с Россией, вынуждающее немцев бросить значительные силы на восток, должно было явиться как нельзя более подходящим моментом для попытки давно задуманного Англией и желательного и для Франции разгрома Германии. Лучшего момента они бы не дождались. И, конечно, не преминут им воспользоваться. На что было Англии и огород городить — создавать Тройственное согласие, если упускать подобный случай разделаться с Германиею. Да, не было в ту пору достаточно внушительного аргумента, могущественного действительного фактора, чтобы отрезвить, удержать Россию от вступления в австро-сербский конфликт. Отсюда неизбежность войны России с Австрией и Германиею. Война между друг другу противопоставленными могущественнейшими коалициями — Тройственного союза и Тройственного согласия. В конечном результате — мировая война!

Замечательно, что перед принятием решений, имевших привести к такому катаклизму из-за австро-сербского конфликта, мы совершенно не останавливались перед вопросом о том, была в самом деле или нет причастна Сербия к сараевскому убийству. Как будто даже в том случае, если бы было доказано, что была налицо сербская агрессия, мы не могли допустить, чтобы Австро-Венгрия ответила на нее Сербии войной. Мы отнеслись с «сомнением» к основательности предъявленного Сербии обвинения. И, не предприняв никаких шагов к проверке наших сомнений, поставили судьбы России на карту. После предъявления Сербии австро-венгерского ультиматума мы поспешили заявить, что сербско-австрийское столкновение не оставит Россию равнодушной. Что обозначало это сообщение, как не предрешение вооруженного выступления России в защиту Сербии в случае нападения на нее Австро-Венгрии? А последнее было неизбежно. Ультиматум был для Сербии неприемлем. Отказ же Австро-Венгрии от ультиматума — немислим. Не могло наше сообщение запугать Австро-Венгрию. Она знала, на что идет. Великая держава, предъявившая ультиматум, назад его не берет. И за Австро-Венгрию стояла Германия.

Между тем, в России, не все, конечно, но большинство, продолжали не верить в неизбежность войны. Верили и продолжали верить до последней минуты, что удастся если не потушить австро-сербский^а конфликт, то его локализовать, что в конечном результате Россия войны избегнет.

Уверенность, что мы не вовлечемся в войну, держалась и после объявления 15 июля Австро-Венгрией войны Сербии, и после бомбардировки на следующий день австрийцами Белграда, после объявления нами мобилизации сперва против Австро-Венгрии, а вслед за тем — общей мобилизации, т. е. эвентуально и против Германии, после объявления вследствие этого 18 июля Германиею военного положения у себя. А 19 июля германский посол в Петербурге Пурталес вручил Сазонову ноту об объявлении нам войны Германиею²⁵.

Мне лично неизбежность войны представлялась настолько очевидною, что, не имея лишь возможности предугадать, как и когда вступят в войну англича-

^а В рукописи ошибочно: «австро-венгерский».

не, единственно способные парализовать германский военный флот, я учитывал вероятность диверсии немцев в Финском заливе, угрожавшей отрезать нас в Териоках от Петербурга. Поэтому я решил возможно спешно вывезти семью из Териок. Это оказалось, однако, не так просто. Поезда были переполнены мобилизованными запасными. С другой стороны, я не был одинок в проявлении благоразумной предусмотрительности. Обывательские перевозочные средства были законтрактованы людьми, опередившими меня в желании эвакуироваться. Пришлось ждать. Подводы были мне обещаны лишь на утро 20 июля.

Накануне мне пришлось отправиться одному в Петербург с тем, чтобы вечером вернуться за семьей. В то лето я перебирался из своей казенной квартиры на Морской на частную квартиру в доме родителей бывшего моего сослуживца М. С. Неклюдова на Кирочной улице, на углу Потемкинской, рядом с Таврическим садом. И обе квартиры ремонтировались: неклюдовская для меня, казенная, которую я оставлял, — для моего преемника. Я решил до окончания ремонта в неклюдовском доме въехать на несколько дней в квартиру моей матери, проводившей лето на Волыни. Надо было распорядиться подготовкой ее квартиры к нашему въезду. С великим трудом кое-как втиснулся в поезд, переполненный запасными. Только и слышно было разговору: «Зря едем, завтра нас отпустят по домам, никакой войны не будет». В этот самый день Пурталес вручал Сазонову ноту Германии об объявлении войны.

В те же дни собирался ехать за границу мой школьный товарищ В. А. Бонди, редактор вечерней «Биржевки» и «Огонька»²⁶, поместивший в «Биржевых ведомостях» сухомлиновскую заметку «Мы готовы». Бонди был на приятельской ноге с Сухомлиновым и все его запрашивал по телефону, можно ли ему ехать за границу, имея уверенность, что войны не будет. Сухомлинов до самого последнего дня обнадеживал Бонди в том, что война будет избегнута. Советовал только для большей уверенности несколько дней выждать.

В те самые дни, рассказывал мне последний директор канцелярии министерства, бывший при начале войны первым секретарем нашего посольства в Париже Б. А. Татищев, заявился в посольство С. Ю. Витте. Он собирался ехать из Франции в Наугейм и просил об оказании ему посольством содействия к совершению этой поездки обеспечением купе в международном вагоне. Татищев заговорил с Витте о вероятности войны. «Война? — сказал Витте. — Да если государь и Сухомлинов не сошли оба с ума, да так, что надо на каждого накинуть смиренную рубашку, то войны никакой не будет»²⁷. То, что Сергей Юльевич не верил в возможность войны при никогда ему не изменявшей и сохранившейся до конца жизни ясности ума, прозорливой проникновенности и верности взгляда, лишней раз доказывает, что ни в каком случае не следовало нам ввязываться в те дни в войну, несмотря ни на какие австро-сербские конфликты. Да, можно было говорить о безумии тех лиц, которые с такой легкостью ставили судьбы России на карту, когда ее непосредственно никто не провоцировал. То обстоятельство, что Россия держалась позиции великой державы — покровительницы младших своих братьев-славян, весьма-таки сомнительной нравственности, ни в каком случае не могло давать повода компрометирующим своим поведением Россию этим младшим братьям безнаказанно пакостить другим великим державам. Невозможным являлось, в самом деле, такое положение, при котором напакостил младший брат, а пострадавший не мог и думать ответить ему репрессией и поста-

вить его в такие рамки, чтобы он не продолжал пакостить. За ним стоит, видите ли, держава-покровительница. Если Россия покровительствовала пакостникам, то она должна была уметь при случае и дезавуировать их. Порою не в меру трусливое (в наших отношениях к Англии), а то не в меру блудливое русское правительство решилось обречь великий русский народ на все ужасы войны — и не турецкой, не японской даже, а великой европейской, где в смертельной схватке титанов Россия рисковала неисчислимыми жертвами. Едва ли и незапятнанная Сербия — «маленькая, невинная, обиженная австрийцами» — стоила бы такого русского риска, таких предстоявших русских жертв! А Сербия заговорщиков и убийц не стоила их подавно. Правда, с утратою самостоятельности Сербиею, на которую мы смотрели как на «оплот и проводник русского влияния среди балканских народов», ослаблялась наша позиция на Балканах. Но что поделаешь? И с большими ущербами приходится мириться. Этот мы как-нибудь перенесли бы. Так вот какое заключение можно было вывести из того обстоятельства, что такой прозорливец, как С. Ю. Витте, не ждал в те дни войны, считая, что в России только безумцы могут на нее решиться.

Кто еще не ждал войны? Как будто германский посол в Петербурге граф Пурталес? Он, как известно, вез 19 июля Сазонову две ноты: одну с объявлением войны, другую с предложением мер к тому, чтобы войну избежать. Пурталес должен был получить от Сазонова категорический ответ на телеграммы Вильгельма: приостановит Россия свою мобилизацию или нет? Арцимович мне рассказывал, со слов Сазонова, что когда последний ответил Пурталесу, что мобилизация в ходу и никакие силы мира приостановить ее не могут, то Пурталес передал Сазонову ноту с объявлением войны. Сам же отошел к окну. И разрыдался. Взволнованный сам, Сазонов должен был успокаивать Пурталеса. Если бы Пурталес не надеялся на предотвращение катастрофы, то, раз таков уже был его темперамент, что надо было его взволнованным чувствам вылиться в рыдания, он отрыдался бы у себя дома, в посольстве, а не дал бы волю своим нервам в кабинете русского министра иностранных дел. Значит, Пурталес до последней минуты надеялся, что войну удастся избежать.

Как и кем приняты были у нас последние ответственные решения? Сазонов рассказывал — указ о всеобщей мобилизации был представлен Сухомлиновым. Но царь отложил его подписание до выслушания окончательного заключения министра иностранных дел. Сам царь не знал, какое будет принято окончательное решение. Это видно из следующего характерного эпизода. Помимо послов, русский и германский императоры имели при своих особах каждый император генерала свиты другого императора. Так, при императоре Вильгельме состоял русский свитский генерал Илья Леонидович Татищев, при царе — германский свитский генерал граф Дона-Шлобиттен. В те дни Татищев был в Петербурге и накануне доклада Сазонова отпрашивался у царя поехать отдохнуть к себе в имение. Царь предупредил Татищева, что, вероятно, придется ехать ему не к себе, а назад в Берлин с успокоительным письмом царя к императору Вильгельму насчет намерений России, в том случае, если не последует объявления общей мобилизации. Если же указ о мобилизации придется подписать, то Татищев будет волен ехать, куда хочет. Вопрос решится завтра после доклада Сазонова. Пусть Татищев придет ко времени этого доклада во дворец. Назавтра приехали и Сазонов, и Татищев. Сазонов прошел в кабинет царя, а Татищев расположился

ожидать результата доклада в соседней комнате у входа в царский кабинет. Сазонов потом рассказывал, что на вопрос царя, как быть с указом о мобилизации, он, Сазонов, ответил в следующих примерно выражениях: «Ваше величество, тот самый министр иностранных дел, который в прошлом году, ввиду неготовности России к войне, высказывался за необходимость соблюдения крайней осторожности, не допуская агрессивных шагов со стороны России, этот самый министр в настоящий момент величайшего политического напряжения, ссылаясь на заявления своих военного и морского коллег о нынешней военной подготовленности России, считает необходимым отстаивать предъявленные ею требования к Австрии всеми доступными мерами воздействия вплоть до войны, хотя бы и угрожающей развернуться в войну европейскую; в противном случае Россия утратит всякий престиж, всякое влияние в Европе, сойдя в своем значении до положения второстепенной державы». Царь подписал указ о мобилизации, приоткрыл дверь кабинета и сказал Татищеву: «Можете ехать к себе. В Берлин ехать не нужно»²⁸.

Итак, последнее решающее слово произнес Сазонов. Если бы произнести его было суждено другому лицу, скажем, Сергею Юльевичу Витте, то, как видно из приведенной беседы его с первым секретарем посольства в Париже, смысл этого слова был бы иной. И результаты иные. Война в те именно дни, по этому именно поводу, возможно, была бы предотвращена.

Влияет ли личность на историю? Нет. Не могут в самом деле сазоновы — это нарицательное невежества, легкомыслия и непонимания — творить историю. Но на ускорения, замедления, на отражающиеся на деталях событий девиации исторического колеса личность влияет. Если бы не Сазонов, мировая война именно в июле 1914 г., именно из-за Сербии не вспыхнула бы. Она бы произошла (англо-германское соперничество), но позже. Не исключена возможность, что и на порядочное время позже. И, возможно допустить, в других комбинациях беллигерантов и нейтральных держав.

Большую взял на себя ответственность своим последним словом о мобилизации России в 1914 г. очень маленький, непомерного легкомыслия человек, которого только особое несчастье России могло привести на пост главы дипломатического ее ведомства в оказавшийся наиболее трагическим момент истории страны.

Припоминается поданная царю записка Петра Николаевича Дурново, предостерегавшая от войны с Германиею²⁹. Мне она в руки не попадалась. Но ее читал и содержание мне передал Николай Николаевич Покровский. В чем-чем, но в осведомленности и в уме Петру Николаевичу Дурново, при всех его отрицательных качествах, отказать было невозможно. И записка его заслуживала внимания. Высказывался опытный государственный человек, как никто уяснивший себе внутреннее положение России в ту пору, бывший долгое время директором Департамента полиции, после товарищем министра внутренних дел при министре Плеве, ставший сам министром в кабинете С. Ю. Витте. Он пугал царя и его правительство тем, что, казалось бы, именно царю и его правительству должно было представляться наиболее страшным, доказывая неминуемость в случае войны с Германиею победоносной социальной революции в России. Автор записки будто сумел предсказать события так, как они в действительности и разыгрались. Однако оправдавшемуся впоследствии пророчеству в то время веры придано не было. На упрямо отрицавшего революцию царя, даже в те дни, когда революция уже ломилась в двери, записка Дурново, поданная в 1914 г., должного впечатле-

ния не произвела. И это после пережитой в 1905 г. — в трепетном страхе — генеральной репетиции революции, едва не перешедшей в окончательное ее торжество. Не умудрила записка и немудрого и легкомысленного С. Д. Сазонова^а.

* * * * *

Рано утром 20 июля двинулись мы на подводах из Териок. Багаж направили непосредственно в Петербург, а сами стали пробираться к Сестрорецку, чтобы сесть на поезд Приморской ж<елезной> д<ороги>. В этот поезд с места его отправления из курорта можно было относительно легко попасть, тогда как поезда Финляндской ж<елезной> д<ороги> более дальнего следования, прибывавшие на промежуточные станции уже переполненными, были почти неприступны. По направлению от Петербурга проносились воинские поезда. В Сестрорецке чуть ли не с бою расхватывали газеты. Появился манифест о войне с портретом великого князя Николая Николаевича, назначенного верховным главнокомандующим³⁰. Припоминалась расшатанность дисциплины среди русских генералов в японскую войну, явившаяся, после плохого командования, одной из главных причин наших плачевных поражений. Выражалась уверенность, что Н<иколай> Н<иколаевич>, при его крутом нраве, подобной расшатанности не допустит и не остановится перед тем, чтобы для острастки и примера ради расправиться с провинившимся генералом самым беспощадным образом. Поезд отправился, набитый публикою до отказа. Читался, обсуждался манифест. Настроение было приподнятое. Публика верила в невинность маленькой, беззащитной Сербии, в подлую жестокость набросившейся на нее с целью задушить коварной и злой Австрии, в то, что зачинщиком войны являлась Германия, стремившаяся разгромить Францию и отхватить полтерритории у России, толкнувшая Австрию на Сербию, чтобы создать предлог для войны.

В Петербурге мы застали то же приподнятое настроение, ту же веру в правоту Сербии и нашу правоту, в преступность действий и замыслов центральных держав. Мобилизация протекала в порядке. Войска бодро шли на войну. Их провожали криками «ура» и пением гимна. Государственная дума «слилась в едином патриотическом порыве» с правительством. Революция, перед самой войной предпринявшая наступление, объявила передышку³¹. О преступности немцев и о том, что их надо, поколотив как следует, проучить, говорили у всех подворотен, на ступеньках подъездов политиканствующие швейцары, сражаясь в шашки с единомыслившими с ними дворниками. Война становилась популярною. Толпа громила опустевшее за выездом германского представительства здание германского посольства на Исаакиевской площади. Высившиеся на фронтоне статуи двух гигантов-тевтонов, в наглой наготе чрезмерного реализма возмущавшие нашу респектабельность отсутствием малейшего фигового прикрытия, были яростно сброшены вниз и их осколки свалены в Мойку³².

С объявлением войны последовал запрет крепких питей. Думали, только на время мобилизации. Оказалось, на все время войны³³. Тут-то захотелось пить и тем, кто раньше не пил. В ресторанах, таинственно подмигнув, требовали к за-

^а Весь абзац вписан автором позднее от руки.

втраку, обеду, ужину «чаю». Водка подавалась в фарфоровых чайниках и ее распивали из чашек. Для домашнего потребления получали спирт из аптек по рецептам врачей. Разбавляли водой в пропорции, дававшей крепость, превосходившую градусы обыкновенной водки. Обыватель наименее взыскательный обращался к денатурату, политуре и лаку. Так как спирт для «технических» надобностей расценивался ниже «потреблявшегося внутрь», то в бюджете оказалась пробитой значительная брешь. Однако все равно война требовала громадного усиления чрезвычайных ресурсов, изыскивавшихся, само собой разумеется, путем займов. Больше, меньше — куда ни шло. Барку везло. Не приходилось заменять питейный доход новыми источниками обыкновенных доходов, каковых источников Барк все равно бы не придумал.

Гвардия вся была двинута на войну. Войска шли с подъемом, но сосредоточенно, в сознании, что предстояла схватка с первоклассным противником. Германия повела энергичное наступление на Францию, рассчитывая молниеносным ударом сломить ее, а потом броситься на Россию. Весь расчет был построен на ожидавшуюся медленность нашей мобилизации. Вильгельм уже назначил день, когда будет завтракать в Париже. Однако мы мобилизовались с быстротой, опрокинувшей все расчеты противника. Вторглись в Восточную Пруссию, заставив Германию оттянуть значительные силы с западного фронта. Столкнувшись с ними, мы понесли громадные, невозвратимые потери. Беспрецедентная по ее ужасу в военных летописях катастрофа, постигшая нас под Сольдау, от которой содрогнулись сами наши противники, предрешила результаты всех наших дальнейших столкновений с германцами³⁴. Враг оказался для нас непобедим. Но мы выручили наших союзников-французов. Париж был спасен. Французы собрались, укрепились, и карта Германии, не выигравшей на быстроте первого своего натиска, оказалась бита. Добить центральные державы предстояло негласному союзнику их противников, великому вершителю судеб людей и народов — Времени. Мы повторяли оттяжку германских сил с западного фронта новыми наступлениями. Частичные наши успехи над австрийцами (Черновцы, Львов, Перемышль) всякий раз парализовались, как только на помощь австрийцам являлись германские армии. Война на германском нашем фронте была перенесена германцами на нашу территорию, и мы шаг за шагом отступали³⁵.

* * * * *

Центральные державы все же были обречены. Помимо быстроты нашей мобилизации, опрокинувшей их расчеты и бесповоротно вырвавшей из их рук победу на западе, обманула их и оказавшаяся никуда не годною германская дипломатическая подготовка войны. Хотя всякая война, в которую была бы втянута Германия, не могла бы не быть использованной Англией для решения центрального вопроса о ее мировом соперничестве с Германиею, тем не менее, немцы, как это ни совершенно непостижимо, не рассчитывали на активное вступление Англии в войну против центральных держав. Допускали, что война будет построена Англиею, что Англия будет всячески поддерживать их противников, помогать им в войне, финансировать, снабжать их, что угодно, только не будет воевать с ними сама. В этой уверенности укрепляли германское правительство

донесения германского посла в Лондоне князя Лихновского. Однако Германия просчиталась. Помимо участия войск Англии и ее колоний в военных действиях против центральных держав на сухопутном фронте, сокрушительным для них фактором явилось вступление в войну английского флота. Как известно, в результате первого же его столкновения с германским флотом англичане загнали этот флот в его опорные базы, парализовали на все время войны.

Еще более скомпрометировавшею работу германской дипломатии явилась позиция, занятая в войне членом Тройственного союза — Италией, заявившею сначала нейтралитет во вспыхнувшей мировой войне, а потом вступившей в эту войну против обманутых ею прежних союзников на стороне их противников³⁶.

Не компенсировались для центральных держав эти отягчавшие их положение разочарования вступлением в войну на их стороне Турции, а потом Болгарии. К противникам их — России, Франции, Англии, Италии, Сербии — *в порядке последовательности* примкнули Бельгия, Черногория, Япония, погода Румыния и под конец — Северо-Американские Соединенные Штаты³⁷.

Военное уничтожение центральных держав с течением времени приобрело для их противников устоявшийся характер широко поставленного, основательно оборудованного и планомерно функционировавшего предприятия с многомиллионными контингентами рабочих-бойцов и представлявшими собою последнее слово тогдашней техники высоко уже в ту пору усовершенствованными машинами истребления человечества — всею сложною и мудреною аппаратурою человеческой бойни. Преимущество свободного пополнения живого и мертвого инвентаря перед сжатым в кольцевой блокаде противником, при беспрепятственном снабжении и широком финансировании предприятия, обеспечивало врагам центральных держав конечный успех. За них работало время.

Еще в начале августа, за несколько дней до Сольдау-Остеродовской катастрофы, жестоко пострадали в кавалерийском набеге в Восточную Пруссию русские гвардейские Кавалергардский и Конный полки. Пала преимущественно молодежь жертвою ненужных бравад перед вражескою пулею, безрассудной юношеской отваги, в неведении лишь опытом осознаваемых опасностей и ужасов войны³⁸. Прибыли первые транспорты раненых, первые гробы с убитыми. Пролились первые слезы по юношам, «погибшим на кровавой ниве». Сколько семей сразу, едва через две недели после объявления войны, оделись в глубокий траур. Мне пришлось хоронить молодого конногвардейца В. Л. Князева — сына *иркутского генерал-губернатора Л. М. и его супруги*, моей двоюродной сестры *М. Н. Князевых*. И пошло, и пошло. Немцы берегли свои кадры, особенно командные. Мы же в первые же месяцы войны уложили почти поголовно наши кадры, за исключением высшего командного состава, заменяя кадровых офицеров несоизмеримо им уступавшими в военном отношении *и совершенно не авторитетными в глазах солдатских масс* офицерами запаса.

* * * * *

Все-таки в нашем оказавшемся глубоким тылу, благодаря заблокированию англичанами германского военного флота, не видно, не слышно было войны. Продолжавшая по инерции бить ключом шумная жизнь столицы создавала ил-

люзию такой мощи великой страны, что не могла, казалось, ее поколебать вовлекшая нас в кровопролитную брань битва народов.

Внезапность разрешившегося войною кризиса, стремительное его развитие, лихорадочный охват страны невиданных размеров мобилизацией, страх за Петербург перед германскою угрозою с моря, миновавший лишь после вступления Англии в войну, — все это как-никак встряхнуло нашу общественность сверху донизу. Было по нервам. Вывело на несколько дней из состояния привычного равновесия.

На смену, с уходом войск на войну, явился мираж нашей несокрушимости. Он нас вернул к обычным нашим занятиям, к инерции устоявшейся прежней жизни, лишь осложненной новыми военными факторами — война, работа на войну, убитые, раненые, пленные, беженцы из местностей, занимавшихся неприятелем или являвшихся угрожаемыми его оккупациею.

К нам в министерство нахлынули собственные наши беженцы — отозванный с объявлением войны из неприятельских стран состав дипломатического и консульского нашего представительства.

В числе отозванных дипломатов прибыл министр-резидент в Дармштадте Василий Яковлевич Фан дер Флит, упоминавшийся выше в качестве моего предшественника по должности директора Первого департамента министерства. Он был назначен на эту должность тотчас по приезде из-за границы. С учреждением второй должности товарища министра иностранных дел взамен упраздненной должности старшего советника министерства занимавший эту должность Кимон Эммануилович Аргиропуло был упокоен в Сенат. А вторым товарищем министра был назначен с должности директора департамента Владимир Антонович Арцимович. За его уходом из директоров и был назначен директором Фан дер Флит. Редко можно было встретить более симпатичного и приятного в обращении человека, но редко и более растерявшегося в должности директора департамента заграничного дипломата. Милейший Василий Яковлевич был совершенно чужд порядков службы центрального ведомства и требовавшихся для этой службы практических знаний. И так и не овладел ими за все время занятия должности директора вплоть до назначения, по примеру всех уходивших директоров, за редкими исключениями, «к присутствованию в Правительствующем Сенате». *Такова была сакраментальная формула указа о назначении в Сенат*³⁹. В минуты особых огорчений от неовладения требовавшимися навыками проклинал приведшую его к должности директора свою злосчастную судьбу и посадившего его на эту должность Сергея Дмитриевича Сазонова. А огорчений было много. Огорчительным был всякий доклад Василия Яковлевича у начальства — у Сазонова и у Арцимовича. У Сазонова — еще куда ни шло. Сазонов мало интересовался делами нашего департамента и не вникал в эти дела. Арцимович же, знавший их превосходно, требовал докладов обстоятельных. Как волновался всякий раз Василий Яковлевич перед этими докладами! Бывало, сидишь у него в кабинете и спокойно и мирно с ним беседуешь о «текущих делах», отвлекаясь и темами общего характера, развивавшимися Василием Яковлевичем остроумно и интересно. Появляется курьер и просит «его превосходительство» к товарищу министра. Василий Яковлевич тотчас делается пунцовым, вскакивает, нервно хватается за папку с докладными делами, начинает задыхаться, как от подъема на высокую гору, и с отчаянием на лице не идет, а бежит к лестнице, не спускается, а скатывается по ней с третьего этажа во второй, где расположен кабинет Арцимовича,

и бомбой влетает в этот кабинет. Бывало, дело обойдется. А бывало, возвращается Фан дер Флит от Арцимовича уже не пунцовым, а багровым, с измученным лицом, волнующийся, заикающийся. «Невозможный человек», — говорил Фан дер Флит по возвращении с доклада. «Удивительный человек», — думал я про Фан дер Флита. Богатый, в материальном отношении совершенно независимый, со связями, достигший как-никак видного поста, обязывающего к достоинству, чего он так трепещет перед товарищем министра? До потери дара слова! По структуре аппарата директор департамента обладал полнотою определенных прав, предоставленных ему законом. В пределах их директор действовал совершенно самостоятельно. Это создавало ему положение, исключавшее страх перед начальством. Директора как Фан дер Флит, который бы скатывался по лестнице по вызову товарища министра, я никогда нигде ранее не видел и о таком не слышал. Встречал директоров, импонировавших товарищам министров, и перед которыми товарищи министров, в случаях коллизии, бывало, пасовали. Это было более в порядке вещей. При материальной независимости и видном служебном положении Василия Яковлевича такой его *maintien*^a можно было объяснить только крайнею, болезненною нервностью. Она приводила Фан дер Флита в состояние паралича и в думских комиссиях, в которых Василий Яковлевич также видел «начальство». Хотя особые его свойства являлись причиною значительного моего переобременения в качестве ближайшего его помощника (приходилось зачастую ходить за Фан дер Флита или вместе с ним и на доклады, и в думские комиссии), я и в мыслях не имел на него сетовать — такой он был милый и хороший человек. У меня завязались с ним самые близкие, дружеские отношения, и я искренне к нему привязался, ценя его редкие качества души и сердца.

* * * * *

В разгар австро-сербского кризиса, приведшего к войне, скоропостижно скончался в Белграде Гартвиг. После войны стали говорить, и это проникло в мемуарную литературу, будто его угостил у себя в кабинете отравленную папиросою Пашич. Гартвиг будто бы осведомился каким-то путем о том, что убийство Франца-Фердинанда было организовано агентами сербского правительства с ведома и одобрения этого последнего. И, приехав к Пашичу, заговорил именно на эту тему. Пашич будто бы пошел на преступление, лишь бы не допустить сообщения Гартвигом полученной информации русскому правительству, опасаясь отказа в таком случае России стать на защиту Сербии. По поводу этого слуха должен заметить, что до сведения русского Министерства иностранных дел ничего подобного об обстоятельствах смерти Гартвига не доходило в течение всего оставшегося времени существования министерства. Поэтому нет у меня данных высказать какое-либо определенное мнение о достоверности пущенного слуха. Упомяну, однако, что всякому знавшему Н. Г. Гартвига бросались в глаза, особенно в последние годы жизни умершего посланника, его апоплексическое сложение, отсутствие шеи, налитое кровью отечное лицо. И было отчетливо заметно стесненное дыхание. Поэтому внезапная смерть Гартвига никого не удивила.

^a Осанка (фр.).

ла. И всеми приписывалась параличу сердца от переживавшихся Н. Г. в тот для него ответственный, критический момент весьма естественных волнений.

На место Гартвига был отправлен посланником в Сербию Григорий Трубецкой, замененный в центральном ведомстве *симпатичным и деловым* советником посольства в Константинополе Константином Николаевичем Гулькевичем. Трубецкому недолго пришлось представлять в Сербии. С отступлением сербских войск перед натиском превосходившего их численностью неприятеля пришлось бежать самым первобытным, по современным понятиям, приключенческим способом — через горы и леса, ночуя на бивуаках⁴⁰. Трубецкой вскоре вернулся в Россию, присоединившись к дипломатам, отозванным из неприятельских стран.

Отозванных начальников постов — послов, посланников, министров-резидентов — не представлялось целесообразных способов использовать за время их вынужденного отрыва от работы по должностям. Остальные отозванные должностные лица были направлены на усиление: кто центрального ведомства, а кто — других заграничных установлений⁴¹.

По случаю получения камергерского звания пришлось представиться министру двора графу В. Б. Фредериксу. В назначенный день и час в начале осени, облекшись в малый, галунный мундир, я к нему поехал. Принимал он у себя в собственном доме на Почтамтской улице, на углу Конногвардейского переулка, разгромленном впоследствии в дни революции толпою и сровненным с землею⁴². Это был красивый небольшой двухэтажный особняк. В передней меня встретили дежурившие два чернобородых красавца-конвойца в синих черкесках с тонкими обтянутыми талиями. В зале перед кабинетом министра я застал приехавшего с докладом директора канцелярии Министерства двора генерала Свиты Мосолова. Обменялись приветствиями и теми шаблонными любезностями, с которыми друг к другу относились люди, не имевшие между собою ничего общего. Генерал был видный, высокого роста, красивый. Но еще виднее и красивее был старый уже, но удивительно моложавой внешности министр. Я не раз любовался его элегантною фигурою в Мариинском театре. Как сейчас вижу графа в антракте, у первого ряда кресел, спиною к сцене, опирающегося о барьер оркестра, *лорнирующего зал*. Носил сюртук Конного полка, которым некогда командовал. В руках держал белую с красным околышем фуражку. Граф встретил меня любезно. Тепло отозвался о моем двоюродном брате Дмитрие Александровиче Лопухине, командовавшем гвардейским Конно-гренадерским полком, с которым отправился на войну. Поговорил о войне, о моей службе в Министерстве иностранных дел. Отпуская, обещал при первом случае исхлопотать мне прием у царя, предупредив, однако, что вследствие войны всякие вообще приемы у царя временно отменены. Так я и не успел представиться Николаю II. Расстался с Фредериксом довольный оказанным приемом. С тех пор я графа не встречал. Говорили, за время войны он стал быстро стареть, впадая постепенно в старческий маразм. *Я рад, что мне довелось его видеть еще полным сил и ясного и светлого сознания.* Все, что приходилось о нем слышать, укрепляло произведенное на меня графом хорошее впечатление. Близкий к царю, он никогда своею близостью к нему не злоупотреблял. Ни во что непосредственно не касавшееся вверенных ему дел не вмешивался. Никогда ни против кого не интриговал. *Был в полном смысле этого слова джентльмен и рыцарь.*

* * * * *

Перед войной начала работать при нашем министерстве под председательством Нератова междуведомственная комиссия по рассмотрению составленного мною проекта изменения штатов заграничных установлений ведомства. Являясь, в качестве составителя записки, докладчиком комиссии, я был весьма ею занят. Но заседания комиссии в начале лета прервались на летние разъезды, а осенью не возобновились, так как из-за войны было уже не до реформ, особенно связанных с испрошением дополнительных ассигнований. На время войны отпуск новых кредитов на мирные надобности был приостановлен⁴³.

* * * * *

Зато мне пришлось много работать по испрошению кредитов на потребности ведомства, связанные с войной. Составлял соответствующие записки и защищал требования министерства в образованной специальной комиссии по сверхсчетным назначениям на надобности военного времени под председательством товарища министра финансов Владимира Васильевича Кузьминского. Я сделался бессменным представителем Министерства иностранных дел в этой комиссии и воевал с Владимиром Васильевичем не на живот, а на смерть. Штурмовавшееся предъявлением денежных требований со всех сторон Государственное казначейство было, понятно, затруднено и пыталось отбиваться либо сокращать испрашивавшиеся ассигнования. Совсем отклонять требования нашего министерства не приходилось. Слишком непосредственную они имели связь с войной. Но урезать их Кузьминский неизменно старался. Я доставлял ему удовольствие фиктивной победы, предъявляя требования с запросом и уступая до размеров действительно требовавшихся ассигнований. После долгих споров, нагромождения доводов один убедительнее другого мы добивались, в конце концов, всего того, что было нам нужно.

За этими мирными сражениями я возымел большую симпатию к Владимиру Васильевичу Кузьминскому, оценив его способности, ум и угадывавшуюся сердечную доброту. Но особенно сошелся с более подходившим мне по положению и возрасту очень способным, умным и знающим свое дело ближайшим сотрудником Владимира Васильевича по комиссии вице-директором Департамента государственного казначейства Павлом Михайловичем Гришкевичем-Трохимовским.